

второмъ случаѣ всемірное государство автономныхъ и параллельныхъ цѣнностей странно напоминаетъ Грядущаго Звѣря, выходящаго изъ водъ.

Въ чинами жидами оказывается цѣлая группа людей, независимо отъ ихъ убѣжденій, профессій, индивидуальности: то, что объединяетъ ихъ, что заставляетъ къ нимъ прислушиваться не вовсе мертвыхъ отъ *вѣка сего*, есть утверженіе смысла и правды культуры внѣ методологической раздѣльности культурныхъ проспектовъ современности. Въ этомъ смыслѣ они ищутъ своего града по всей культурной землѣ. Но типъ современнаго города—тотъ же: въ Мельбурнѣ, Гонгъ-Конгѣ, Калькуттѣ, такъ же какъ и въ Царевококшайскѣ не найдутъ они того, чего не находятъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Парижѣ, Нью-Йоркѣ и Лондонѣ. Ибо если нынче въ Царевококшайскѣ еще не осуществился современный культурный идеалъ (сѣтъ параллельныхъ проспектовъ), завтра этотъ „идеалъ“ неизбежно станетъ дѣйствительностью.

Градъ, къ которому шелъ Толстой, котораго и мы такъ мучительно ищемъ, нынѣ невозможенъ на землѣ современной культуры, хотя онъ былъ бы возможенъ на землѣ культуры *иной*, отрицающей современность. И потому-то Толстой не сумѣлъ высказаться и какъ художникъ, и какъ проповѣдникъ, что землю этого Града онъ искалъ на одномъ уровнѣ съ современной культурой; ее же нужно искать либо *надъ*, либо *подъ* культурою этой. И поскольку Толстой распахивалъ свой клочокъ земли на *черезполосицѣ* завтра культурой застроеннаго мѣста, всѣ слова его были вовсе не тѣми словами, которыя онъ хотѣлъ произнести.

Онъ не понялъ одного: обреченности молчанія. Всѣ слова и всѣ смыслы, волновавшіе Толстого, современная культура и номенклатура расщепила на тысячи отѣнковъ. Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ попросту—*по мужички*, *по дурачки*: подлинный смыслъ его словъ и не можетъ быть намъ понятенъ; исторія научила насъ превращаемости смысла всѣхъ *терминовъ*. Прежде *субстанціей* называли сущность всего; далѣе—она основа явленій; далѣе—этой основой оказалась матерія; а матерія оказалась силой; сила—энергіей. А что такое энергія? И теперь, когда слышимъ мы заявленія о *субстанціональности* чего бы то ни было, первое движеніе наше спросить, что разумѣетъ подъ *субстанціей* нашъ собесѣдникъ. Если самый смыслъ *термина* расщепляемъ, то еще болѣе расщепились